

Конференция

ФОЛЬКЛОР И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА

27 — 29 ноября 2002 г. Государственный республиканский центр русского фольклора при участии Научного совета по комплексной проблеме «История мировой культуры» РАН провел очередную ежегодную научную конференцию «Фольклор и художественная культура»¹. На этот раз ее участники собрались для того, чтобы обсудить современные методологические и технологические проблемы изучения и сохранения традиционной культуры. В работе конференции приняли участие специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельска, Астрахани, Воронежа, Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Курска, Нижнего Новгорода, Петрозаводска, Ростова-на-Дону, Саратова, Сыктывкара, Тольятти и других городов России. За три дня работы было прослушано сорок шесть докладов.

Со вступительным словом от оргкомитета конференции к собравшимся обратился доктор философских наук, профессор, заведующий отделом историко-теоретических и философских проблем традиционной культуры Государственного республиканского центра русского фольклора, главный редактор научного альманаха «Традиционная культура» *Н.А. Хренов*. Он отметил, что обсуждение проблем традиционной культуры чрезвычайно актуально на рубеже XX — XXI вв. Прошедшее столетие оказалось столетием смены исторических циклов, а следовательно — системы ценностей. Период перехода неизбежно влечет за собой хаос. В такие моменты вырастает интерес к традиционной культуре и ее ценностям. Изучение роли традиционных механизмов культуры в современном обществе является серьезной задачей, стоящей перед исследователями. К обсуждению этой проблемы *Н.А. Хренов* пригласил участников и гостей конференции.

С приветственным словом выступил доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАН, генеральный директор Государственного республиканского центра русского фольклора

¹ Конференция проводилась при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации (договор № 634-01-26 от 12 апреля 2002 г.).

А.С. Каргин. Он зачитал телеграмму, направленную в адрес конференции Министерством культуры РФ. В ней была отмечена важность поставленной задачи — поиска методов изучения и сохранения традиционной культуры — для современной России с ее многонациональной, мозаичной культурой. *А.С. Каргин* коснулся проблемы межкультурного взаимодействия в современном полиэтничном мире и подчеркнул роль традиционных ценностей как стабилизирующего фактора в этом процессе. Он также отметил, что этнокультурология находится в состоянии самоопределения. Решение многих вопросов затруднено неустойчивостью терминологического аппарата, разноречивостью понятий и формулировок. Поэтому свое видение целей конференции он обозначил еще и как совместный поиск приоритетов в предмете самой науки.

Пленарное заседание открыл доклад *С.Ю. Неклюдова (Москва)* «Типология фольклорных текстов и проблема архетипа». В нем шла речь о роли типологического анализа в изучении текстов культуры. На сходство между разными культурами обращал внимание еще *М. Монтень*. Интерес к этому сходству лежит у истоков этнографии и фольклористики. Попытку интерпретировать сходство разных этнических культур и порожденных ими текстов демонстрируют работы ученых XVII — XVIII вв. (*Б. Фонтенеля, Ж.Ф. Лафито, Дж. Вико, Ш. де Бросса*), в XIX в. — труды *А.Н. Веселовского*. Случаи подобий *В.М. Жирмунский* разделил на три группы: генетические (этноязыковое родство традиций), заимствования или миграция (диффузионизм, по *Б. Малиновскому*), типология. Определив типологическое сходство как результат появления аналогичных вещей в результате сходных процессов, *С.Ю. Неклюдов* перечислил культурные универсалии, порождающие однотипные структуры и механизмы (социально-экономические — семья и род; социально-политические — племя и государство; ментальные — первичные восприятия и развитие мифологических систем; психо-физиологические, построенные на базовых эмоциях, — голод, сексуальное влечение, агрессия, страх и т.д.). В заключение он подчеркнул, что каждый конкретный анализируемый случай, взятый обособленно, можно рассматривать лишь как неполную реализацию теоретически мыслимой модели. Сравнение же с другими реализациями много дает для более широкой реконструкции значений.

А.С. Ахиезер (Москва) в докладе «Традиционализм как история и как современность» показал, что отношение к традиционализму меняется в разные исторические эпохи. Вся культура с точки зрения теоретической культурологии ориентирована на бу-

дущее. Именно будущее, а не прошлое структурирует культуру. Сама модель прошлого определяется необходимостью выживания в будущем. Прошлое и будущее в нашем сознании — лишь образ динамического мира. Докладчик указал на то, что решающую роль в восприятии культуры играет категория интерпретации. Человек усваивает культуру не автоматически, а исходя из своих знаний и предрассудков. Культура живет только в процессе интерпретации, когда образ прошлого превращается в картину мира, картина мира — в научную теорию, которая, в свою очередь, намечает потенции развития в будущем. А.С. Ахизер проанализировал ценностные установки, которые проявляют себя в традиционном сознании: с одной стороны, восприятие культуры как исторической инерции (ср. требование «жить так, как жили деды», когда идеал прошлого проецируется на будущее); с другой стороны, критика исторической инерции, необходимо присутствующая в интерпретации. Эти два взгляда играют колоссальную роль в истории, что продемонстрировал докладчик, говоря о явлении архаизации (когда ушедшие в небытие пласты культуры активизируются и превращают империи в обломки — феномен 1917, 1991 гг.).

Н.Г. Михайлова (Москва) представила вниманию собравшихся доклад на тему «XX век: вторая жизнь традиционной культуры». Она показала, что современная культура в России и за рубежом — культура переходного периода — мозаична. В ней происходит тесное взаимодействие различных культурных пластов, борьба противоречивых тенденций (с одной стороны, стремление к универсализации, с другой — ориентация на региональные, локальные традиции). Докладчица отметила, что изучение традиционной культуры обычно происходит выборочно: исследователи довольствуются описанием «культурных текстов», недооценивая значимость социокультурного аспекта. Однако именно изменения среды бытования текста позволяют говорить о невозможности возврата культуры прошлого. Речь может идти либо о возрождении ее фрагментов, либо о ее альтернативной жизни. Следовательно, «вторая жизнь традиционной культуры» сегодня протекает в формах, свидетельствующих о смене ее социальной функции: культурного наследия; сценических адаптированных вариантов (профессиональных и любительских), а также сувенирного производства; авторского творчества.

Проблема традиционного искусства в современной культуре была рассмотрена *А.С. Дриккером (Санкт-Петербург)* в связи с динамикой материальных носителей информации и кодов, используемых этой культурой. Анализ искусства нового времени выявляет устойчивую тенденцию движения от уникальных носителей информации к универсальным, что, с одной стороны, сдвигает искусство к типу демократическому, с другой — размывает границы высокого, массового и традиционного искусств. Экспансия цифровых кодов и технологий усиливает процесс глобализации. Традиционное искусство (как и любое другое) в новых культурных, технологических условиях не сможет выжить, не используя современные носители информации. В период смены культурной парадигмы традиционное искусство

во предстает как источник новых принципов кодирования. Потенциальная продуктивность традиционного искусства связана с порождающей средой — аудиторией, в которой это искусство укоренено.

Выступление *А.П. Давыдова (Москва)* было посвящено структуре традиционного менталитета в фокусе художественного видения Ф.М. Достоевского. Было отмечено, что осмысление образа «маленького человека» в творчестве Ф.М. Достоевского находилось в русле развернувшегося в XIX — XX вв. экзистенциально-феноменологического переворота в философии. Писатель перешел от анализа логики культуры к анализу сдвигов в обществе, массовом сознании. Как аналитик специфики России он вышел за рамки европоцентризма и охарактеризовал традиционность российской ментальности как общинность, в своем конфликте с обществом несущую угрозу хаоса и революции. «Маленький человек» предстает в творчестве Ф.М. Достоевского как символ локального мира, общинной субкультуры; он вынужден жить в условиях большого общества, но старается отгородиться от него. Он носитель нравственных идеалов диктатора и крепостного, стереотипов мифологического сознания, комплексов неполноценности и ненависти к большому обществу — источник постоянной угрозы большому обществу, мести, насилия, революции, разрушения, архаизации. Исходя из этого, докладчик приходит к выводу, что отсталость России XIX в. заключалась не столько в феномене социального угнетения, сколько в двойственности русской культуры, достигшей глубины раскола; в неспособности субъекта культуры преодолеть в себе конфликт между общинностью и обществом. Проблема модернизации, следовательно, заключалась не в революционном разрушении постепенно и противоречиво складывавшегося большого общества, а в преодолении этого расколотого, промежуточного состояния, в оттеснении общинной воспроизводственной логики и ее носителя на задний план общественной рефлексии.

В докладе *В.И. Мильдона (Москва)* «Арханка и авангард» была отмечена специфическая роль архаических воззрений в русском авангарде — от символизма до футуризма. Особенность русского авангарда, в отличие от авангарда западного, состоит в том, что для него архаические представления о способности слова повлиять на физический порядок мира являются не приемом или материалом, а вполне реальным состоянием, психологией и гносеологией. В архаическом сознании функции художника и мага равны: художник выступает в качестве мага — преобразователя жизни. Так относится к художнику / поэту и искусству в целом русский авангард, в особенности футуристы, считавшие искусство средством изменить не только социальный, но и космический порядок. Западный же авангард видит в художнике фигуру самодостаточную. Особое место в докладе занимала тема политического авангарда и взаимоотношений искусства и власти в XX в.

Выступление *С.Н. Лютовой (Москва)* «Миссия архаических культур в эпоху глобализации (пример формирования этноустановки)» было направлено на рассмотрение такого специфического явления, как традиционализм «коренных американцев». Идеоло-

гия традиционализма индейцев США предполагает альтернативный вариант глобализации: необходимое в будущем объединение человечества должно состояться на основе переосмысления общечеловеческих духовных ценностей архаических культур. На пропаганду этих архетипических по сути принципов направлена современная публицистика индейцев США. Специальные традиционалистские издания стремятся выработать у своих читателей, к какому бы народу те ни принадлежали, этноустойчивости, преодолевающие границы национализма.

Е.О. Пенкина (Москва) в докладе «Мифологические модели в культуре и фольклоре» сделала попытку сформулировать причины повышенного интереса к изучению мифологии в науке второй половины XX в. По мнению докладчицы, это дает возможность выделить особенности, являющие собой суть мифологического знания. Среди важнейших его составляющих были названы космогония как идеальная модель, служащая ориентиром для земной деятельности; ритуал как способ регламентации социально-исторического уклада в соответствии с идеальной космогонической моделью; психология, которая проявляется в патологиях личности и общества в случае случайного или сознательного отказа от ритуала. Троица названных составляющих прослеживается в мифологических моделях, о которых шла речь в докладе.

В докладе *О.С. Осиповой (Москва)* «Архетипические славянские идеи в традиционной русской культуре» была высказана мысль о том, что основные смыслозадающие элементы в славянском мировоззрении образуют единый комплекс коллективных представлений, связанных со структурой архетипов сознания. В него, по мнению выступавшей, входят идеи многомерности мироздания, всепроникающей божественности, взаимообусловленности и относительности всех явлений. Они преломляются во множестве частных идей (одухотворение природы, восприятие людей как потомков богов, единство человеческого рода, приоритетность коллективного начала над личностным). Характерной чертой русского народа является также сакральное отношение к семейно-родовому и хозяйственно-бытовому началу (дом как центр мироздания). В силу изначальности для человеческого сознания эти архетипы в разной степени свойственны всем народам, сохраняющим в своем менталитете и характере элементы древнего мировоззрения. Традиционные славянские архетипические идеи в разные исторические периоды подверглись новым идейным наслоениям — от христианских до атеистических. Выработанные в процессе формирования этнической самобытности и последующего многовекового исторического развития русского народа, они проявились в культурном своеобразии русской нации и определили особенности русского национального менталитета и характера (ср. концепт «русской души», сложившийся в западноевропейской литературе XIX — XX вв.).

С.В. Зобнина (Москва) обозначила тему своего выступления как «Традиционализм и русское национальное сознание в современной России». Она отметила, что в современном обществе эти вопросы воспринимаются очень остро и имеют политиче-

скую проекцию. Однако для самой докладчицы в данном выступлении значительно более важными оказались духовные устремления конкретного индивида, находящегося в поиске гармонии с миром. *С.В. Зобнина* сформулировала задачу воссоздания обновленного традиционного сообщества, живущего в согласии с природой; организации экопоселений (причем в данном случае подразумевалось не столько экологическое равновесие в природе, сколько экология души, находящейся в единении с миром и духом). Вера (в данном случае язычество), язык и культура, как считает автор, должны стать основой для образования групп единомышленников, которые дают человеку ощущение малой родины.

Проблемы мифологического мышления нашли отражение в докладе *Л.Н. Виноградовой (Москва)* «Телесные аномалии как признак демонического и сакрального в традиционной культуре». Наиболее очевидным показателем соответствия / несоответствия общепризнанной норме в системе характеристик мифологического персонажа (звуковая проявленность, стереотипы поведения, визуальные данные), по мысли исследовательницы, являются телесные признаки. На этом и основывается популярный в фольклоре мотив распознавания нечистой силы или человека со сверхъестественными способностями (колдуна, ведьмы). Особое внимание было уделено примерам, свидетельствующим о связи персонажа с миром мертвых (отсутствие спины, птичьи ноги и т.п.); иллюстрирующим свойство «демонической асимметрии» (например, один глаз); особенности взгляда (глаза как инструмент порчи). Докладчица указала на специфическое отношение к категориям красоты / безобразия, каждая из которых оценивается в традиции как отклонение от нормы. Было подчеркнуто, что номинация нечистого у славян нередко происходит через признаки внешнего вида: кривой, хромой, худой, одорукий, одноглазый, беспятый, беспалый, безголовый, волосатый, лысый, железнозубый, большой, маленький, немытый, нечистый и т.д. Всё это не может не сказываться на восприятии людей, наделенных этими признаками, их участии в обрядово-магической практике социума. В заключении *Л.Н. Виноградова* обратилась к оценке человека и мифологического персонажа через психическое состояние (категории ум / безумие), отметив ее двойственность (признак демонического и сакрального).

Доклад *Д.В. Грамова (Москва)* был посвящен теме «Образы эсхатологического народа в мифологических представлениях восточных славян». Импульс развитию эсхатологических представлений и мифообразов эсхатологических народов в европейских культурах дали библейские и евангельские тексты. Агрессивные и захватнические народы, угрожающие христианским государствам, воспринимались именно как эсхатологические (ср. библейские Гога и Магога [Иез. 38, 2; 39, 1; Откр. 20, 7]). Большое влияние на развитие эсхатологических представлений у восточных славян оказала византийская традиция, прежде всего Откровение Мефодия Патарского. Как народы, предводительствуемые Антихристом, славянами в разное время оцениваются половцы, татаро-монголы, поляки и литовцы. Петровская эпоха создает новую ситуацию — появление

внутреннего врага, когда Петр I и его сподвижники характеризуются народом как Антихрист и его воинство. Черты эсхатологического народа-воинства обретает во второй половине XVIII в. «армия» Пугачева. Эсхатологические мотивы оказались весьма устойчивы и в XIX в., о чем свидетельствует художественная литература. Все народы, с которыми Россия воюет в этот период, в устной традиции демонизируются (ср. армия Наполеона, народы Кавказа). В XX в. поводом для актуализации мифообраза эсхатологического народа становится раскол внутри русского общества, порожденный октябрьским переворотом 1917 г.

И.П. Уварова (Москва) представила доклад на тему «Вертеп: театр Рождества и архетип младенца». Небывалую популярность, какую обрело в последние годы рождественское кукольное представление, она объясняет его архаическими корнями. Вертеп, по мнению докладчицы, таит в себе образ универсального мифа, который апеллирует к подсознанию современного зрителя, к сокровенным тайникам коллективной души (по К.-Г. Юнгу). В вертепном действе находит отражение архетип младенца.

Т.Д. Булгакова (Санкт-Петербург) обратилась к теме «Сказка в шаманской интерпретации». Она отметила, что изучение бытования сказки у народов Сибири и Дальнего Востока чрезвычайно важно потому, что там до сих пор остается актуальной ритуальная практика, породившая сказку. Опросы, которые докладчица проводила среди нанайцев, показали, что героическая сказка оценивается ими в связи с деятельностью местных шаманов. Подобно тому, как шаман путешествует в ином, невидимом мире по дорогам («чёркил»), рассказчик идет по этим дорогам и поет сказку. Неслучайно напев сказки похож на шаманский напев. Докладчица установила, что первый раз сказку рассказывает именно шаман, причем рассказывает всегда о себе, но стремится скрыть это от слушателей (многие приемы специально направлены на то, чтобы зашифровать истинное содержание сказки, — например, сокрытие имен и подлинных функций персонажей). Необходимость рассказать сказку возникает у шамана в момент опасности (столкновение с противником), когда все остальные средства им уже исчерпаны. Он излагает слушателям историю своей жизни, включая в нее единственный придуманный эпизод — победу над противником. Если люди поверят сказке, шаман останется жить; если же они разгадают ее подлинное содержание, он погибнет. Являясь по сути зашифрованным обрядом, сказка всегда имеет счастливый конец.

А.Е. Наговицын (Москва) предпринял реконструкцию космогонической картины мира в сказке «Красная шапочка», пересказанной Ш. Перро. Он проанализировал цветовую (красный цвет) и растительную (орех, дуб) символику, которую использует сказка, и пришел к выводу, что она свидетельствует о связи сюжета со смертью, с миром мертвых. По мысли докладчика, речь в сказке шла о возможности бессмертия души человека, что было обеспечено первопредком (волком). Предложенная интерпретация сюжета вызвала острую дискуссию.

Т.Н. Бунчук (Сыктывкар) на примере сказки «Репка» представила интерпретацию текста кумулятивных сказок с точки зрения их прагматической заданности в архаической культуре. Исходя из того, что генетически сказки являлись обрядовыми магическими текстами, докладчица предположила, что они были предназначены для ритуального преобразования действительности (наряду с другими текстами культуры) и были изофункциональны очерчиванию. Прагматика традиционных цепевидных текстов обусловила их структуру и семантику. Концептуальными мотивами здесь являются числовой ряд, собирание, номинация и иерархическая организация персонажей.

И.Ф. Амроян (Тальятти) на материале русских, болгарских и чешских заговоров показала, что в основу текста заговора положена такая особенность архаичного мышления, как бинарность, или симметричная разбивка реального пространства на две составляющие. В представлении заклинателя параллельно «существуют» два мира (свой, обыденный и чужой, незнакомый, нередко враждебный). Они взаимосвязаны, граница между ними прозрачна. Неслучайно и заговорно-заклинательные формулы создаются на основе следующих двух принципов: установление отношений обмена («возьми *x* — отдай *y*»), «совершай нечто с *x*, а не с *y*»), договора («не делай это, а я не буду делать то»), «если ты будешь делать это, то я буду делать то»), силового воздействия (формула изгнания: «если ты пришел из *x*, уходи в *x*») с символическим миром и установление возможной аналогии / противоположности образов / явлений реального и символического мира. В последнем случае симметричная разбивка пространства дополняется еще одним элементом — «зеркальным повтором». Заклинательные двучленные формулы этого типа базируются на сравнении, сопоставлении и противопоставлении. В плане языкового выражения названным принципам соответствует использование сравнительно-сопоставительных речевых конструкций, на основе чего и формируется двухчастная структура заговора.

Г.И. Гурьянова (Казань) в докладе «Фольклор в контексте философской проблемы бытия и небытия» на примере сказок и пословиц русских и татар показала, что философские категории бытия и небытия в фольклоре получают специфическое преломление. Она отметила небытийную основу народной сказки и преимущественно бытийный аспект пословицы.

Проблемы и методы современной этномузыкологии были представлены на конференции докладами преподавателей и сотрудников Московской и Саратовской консерваторий.

Н.Н. Гилярова (Москва) размышляла о путях музыкальной фольклористики на рубеже XX — XXI вв. Она отметила, что рубеж веков для отечественной фольклористики — знаковое время. Сам предмет науки находится в теснейшей связи с состоянием социума, а любые изменения в жизни общества, которыми всегда богаты рубежи веков, меняют предмет исследования и отношение к нему. Большое внимание докладчица уделила современ-

ным проблемам изучения музыкального фольклора, остановившись на деятельности кабинета народной музыки МГК им. П.И. Чайковского и научных приоритетах его сотрудников (изучение музыкального фольклора как специфического типа художественной культуры, позволяющего судить о соотношении устной и письменной традиций, особенностях коммуникативной системы художественного текста и исполнительства; звук в народной музыкальной культуре; описание музыкально-этнографической традиции Липецкой обл. (подготовка атласа)).

В докладе *Т.А. Старостиной (Москва)* «Сонорика и русский музыкальный фольклор» были поставлены проблемы современного музыкального языка. В конце XX в. композиторов стали привлекать звуковые явления немusического порядка (звон, шум, шорохи, стук). Сонорика — метод сочинения, основанный на оперировании темброкрасочными звучностями, — активно использовалась в польской музыке 1960-х гг. К этой технике прибегали и русские композиторы: Э. Денисов, А. Шнитке, С. Губайдулина, С. Слонимский, Р. Щедрин. На примере произведения Р. Щедрина «Поэтория» (1969 г.) было показано, как композиторы вплетают в свои сонорные композиции народный плач, говор (гомон), имитацию колокольного звона.

М.А. Шуллер (Саратов) в докладе «Космогония музыкального лада. Архетип гармонии в механизме ладообразования» сделала попытку ответить на вопросы, связанные с формированием модальных систем (таких как «Неизменная совершенная система» древних греков, в основе которой лежит «священная четверка чисел», и византийский Октоих, ставший фундаментом для древнерусского осмогласия и западноевропейских церковных ладов). Механизм организации модальности рассмотрен как претворение архетипа мировой гармонии. Исходя из того, что «ладовая формула есть лаконичная модель мира в представлении своей эпохи, своего рода генетический код музыки» (Ю.Н. Холопов), докладчица проводит параллели между названными системами на основании общего для них порождающего принципа, а именно — звукового развертывания архетипа пяти стихий мироздания. Отправной точкой в ее размышлениях стало древнее описание пятиэлементного космоса (дерево, почва, огонь, вода, металл), которое содержится в даосском учении. Олицетворяя изменчивость и текучесть жизни, каждый из пяти тонов (a c d e g) может становиться временным устоем, что создает внутреннюю динамику звукоряда по заданной траектории.

А.С. Ярешко (Саратов), говоря о традициях русского православного колокольного звона в современной культуре, поделился своими наблюдениями над историей колоколов и путями их проникновения в Россию. Он указал на два источника русского колокольного искусства: православный церковный обряд и народные музыкальные традиции. Исполнительская стилистика звонаря, по мнению докладчицы, определяется стабильными, каноническими (трехплановая фактура состава колоколов: зазвонные, альтовые и басовые; функционирование в православном обряде по законам музыкально-фольклорных произведений) и мобильными, импровизаци-

онными (особенности развертывания во времени того или иного жанра, внедрение мобильных элементов: вступлений к звону, завершений, тематических и регистровых переключек, остановок, смен акцентов в ритмических рисунках, включение песенных попевок и т.п.) элементами. Церковные звонки прошли длительный путь развития от простейших сигналов к сложным по структуре произведениям музыкального искусства. Каждый регион России, населенный пункт, наконец, каждая церковь имели к XX в. свою сложившуюся каноническую систему звона в рамках общерусской традиции. Это зависело от условий конкретной колокольни с набором колоколов как музыкального инструмента. Споры о качестве и принадлежности того или иного звона, возникающие в нынешних условиях возрождения колокольного искусства при подавляющей неграмотности в этом вопросе как светских, так и духовных лиц, следует разрешать с учетом понимания принципов формообразования русских колокольных звонов.

И.М. Палозова (Саратов) посвятила свое выступление литургическому пению старообрядцев различных согласий, проживающих в Вольском и Хвалынском р-нах Саратовской обл. Представленные материалы были проанализированы с точки зрения взаимодействия богослужебной и фольклорной традиций. Рассматривая богослужебное пение в контексте литургической практики старообрядцев, докладчица сосредоточила внимание на его стилистических основах. Был сделан целый ряд замечаний, касающихся чинопоследования суточного круга богослужения, стилистики мелодической и ритмической организации богослужебного пения, монологической и осмогласной организации напевов, некоторых исполнительских принципов и др.; выявлены специфические элементы исполнения богослужебных песнопений (особенности литургического произношения, наличие общеприемных приемов исполнения, отступление от монологического звучания, функционирование духовного стиха и др.).

Особое место на конференции заняли выступления лингвофольклористов. Предметом анализа в докладе *Е.Б. Артеменко (Воронеж)* «Фольклорная категоризация мира и мифологическое мышление» стали фольклорные вербальные синонимические парадигмы, реализующие традиционные культурные смыслы (типа «окно — дверь — порог — двор — ворота — межа — поле — река — лес» как выражение культурного концепта «граница между своим и чужим мирами»). Была высказана идея о генетической связи подобных парадигм со свойственной мифологическому сознанию и допонятийному мышлению ребенка (О.М. Фрейдберг, Л.С. Выготский) категоризацией действительности посредством комплексов конкретно-чувственных образов, детерминированных единством наглядного (зрительного) впечатления.

Выступление *М.А. Бобуновой (Курск)* «Через фольклорную лексикографию к фольклорной диалектологии» было посвящено работе курских исследователей над словарем языка фольклора. Один из важнейших результатов этой работы связан с решением проблемы территориальной дифференциро-

ванности языка русского фольклора. Для выявления фольклорных диалектов необходимо учитывать соотношение лексики фольклорных текстов, записанных на разных территориях. С этой целью используются лингвистические методики: диалектного анализа, кластерного анализа и «аппликации» словарных статей. Указанные методики способствуют выявлению черт сходства и отличия как на уровне отдельных слов, так и на уровне фрагментов фольклорной картины мира.

И.С. Климас (Курск) сосредоточила свое внимание на своеобразии лексической вариативности в фольклоре. Она подчеркнула, что специфику фольклорной лексической вариативности возможно установить на фоне литературного языка и диалектной речи. В качестве параметров термина «вариант слова» в фольклоре докладчица предложила следующие: (1) варианты не нарушают структурно-смыслового единства лексической единицы; (2) их семантическая тождественность проявляется в аналогичных дистрибутивных возможностях (то есть варианты способны взаимозаменять друг друга); (3) в художественном тексте у вариантов одинаковый ассоциативный ареал; важна не только денотативная, но и коннотативная тождественность слова. В качестве иллюстрации были рассмотрены случаи варьирования и взаимозамены слов с приставками *вз-* (*вс-*) // *воз-* (*вос-*) в северных необрядовых лирических песнях.

О.Е. Фрлова (Москва) в докладе «Грамматика сказки» на материале сборника А.Н. Афанасьева доказала, что структура времен в волшебной сказке определяется фабулой и самим фактом устного рассказывания. Иерархия времен сказки, которую можно описать с помощью нескольких оппозиций — эпическое / событийное, цикличное / линейное, наблюдаемое / ненаблюдаемое, — задается структурой фабулы. Различаются время эпическое, связанное с инициальной формулой, и событийное, связанное с развитием фабулы. Последнее — время действия — неоднородно. Отправной точкой здесь оказывается момент обнаружения и осознания недостачи, с которого начинается развитие интриги. В структуре сюжета сказки ему предшествует некоторое положение, в котором не наблюдается ни движения, ни развития фабулы. Эта фаза связана с циклическим временем, фиксирующим некоторое длящееся состояние. Оно прекращается, когда начинает развиваться фабула сказки — начинается развитие линейного времени (эта фаза фиксируется наречиями «раз» и «однажды»), внутри которого отдельные эпизоды выделены и представлены в настоящем времени как происходящие на глазах зрителя (причем наблюдателем может выступать как персонаж, так и солидаризирующийся с ним рассказчик). Наблюдаемые эпизоды не являются единственно выделенными в тексте. Вторым блоком текстовых фрагментов, который подлежит выделению, становится прямая речь персонажей. Последнее обстоятельство можно считать доказательством того, что в сказке слово равно делу («сказано — сделано», «сделано — сказано»). И в первом, и во втором случаях происходит синхронизация происходящего и говоримого героями с ходом самого рассказывания сказки.

Н.В. Макарова (Воронеж) в докладе «Поэтическая грамматика эпического певца в когнитивном аспекте» коснулась проблемы эпического знания исполнителя, позволяющего сохранять, воспроизводить и передавать былинный текст. В сознании исполнителя былинный мир структурируется в виде системы свойственных этому миру концептов и отношений между ними. Можно говорить о наличии двух сторон эпического знания: содержательной (тексты, сюжеты, мотивы) и структурной (способы их построения). Последняя и является собственно поэтической грамматикой, в которую входят законы сюжетосложения, правила порождения словесной ткани текста, приемы сочетания формульных сегментов текста с неформульными и т.д. Таким образом, поэтическая грамматика — это целый комплекс средств оформления текста, в который входят и принципы сообщения стихам свойств предикативной единицы (предложенческой структуры). Тенденция к предикативной организации стиха восходит к разговорной речи, спонтанный характер которой обуславливает тот факт, что отражение реального мира происходит в ней в виде последовательно разворачивающихся и информативно равноценных кадров. Каждый кадр передает, как правило, одно отношение элемента к действительности, оформляя это отношение как явление предикативное. Специфической особенностью былины является то, что модели предикативной децентрализации не только осуществляют формальную связь строф по вертикали, но и соотносятся с определенным когнитивным содержанием.

Многие выступления были основаны на материалах полевых исследований докладчиков. Обозначенные в них проблемы, как правило, отражали живую фольклорную традицию, знакомили с современным состоянием традиционных жанров.

А.Н. Власов (Санкт-Петербург) выступил с докладом на тему «Старообрядчество и формирование эпических форм коми фольклора». Он отметил, что интерпретация русских эпических сюжетов и образов в фольклорном сознании коми связана с усвоением основных христианских мировоззренческих универсалий, характерных для старообрядческой культурной традиции. Поэтому актуальной становится проблема историко-социальной стратификации фольклорных фактов и уточнение исторических истоков возникновения эпических форм коми фольклора. Усвоение русских эпических образов и сюжетов (Илья Муромец, Алексей человек божий и др.) происходило всегда со значительными отклонениями от русской традиции. При этом степень деформации зачастую зависела от неготовности исполнителей понять исходный сюжет или образ в системе той ценностной ориентации, в которой они бытовали. Интерпретация образа или сюжета, как правило, была направлена на то, чтобы приблизить его к привычным и уже усвоенным фольклорным сознанием жанрам и обрядовому контексту. Кроме того, среди известных в настоящее время в коми традиции русских сюжетов почти половина записана в единственном варианте, что свидетельствует об индивидуальном, «авторском» творчестве исполнителей.

В сообщении *Б.Н. Проценко* и *В.Ю. Матюшкина* (Ростов-на-Дону) был представлен текст песни «Не з-за гор-та ветры падымалися», записанной в июле 2002 г. на хуторе Пустошкин Багаевского р-на Ростовской обл. В песне передана беседа Добрыни Никитича с матерью перед уходом богатыря на военную охоту. Сравнив этот текст с записями донских былин начала XX в., сделанными А.М. Листопадовым, и былины киевского цикла о возвращении Добрыни домой, авторы показали, что в тексте по мере его распространения на Дону русские мотивы уступают место казачьим, донским, среди которых явно выделяется дом как центр казачьего мировидения. В ходе анализа была сделана попытка установить время (XVI — XVII вв.) возникновения записанного текста, по жанру относящегося к военно-бытовым песням, но сохраняющего определенные связи с эпической поэзией восточных славян.

Т.Ф. Пухова (Воронеж) представила записи духовных стихов, сделанные в экспедициях Воронежского государственного университета в 1990 — 2002 гг. Она отметила, что и в настоящее время в Воронежской обл. репертуар духовных стихов весьма разнообразен: о Христе, Богородице, Тронце, святых угодниках. Особое место занимают стихи, исполняемые на похоронах. Наиболее архаичными, по мнению докладчицы, являются стихи о святых угодниках. Она подробно проанализировала стих о святом Егории Храбром, который удалось записать в 2001 г. в с. Чесменке Бобровского р-на Воронежской обл. Сопоставление записи с текстами из собраний П.В. Киреевского и А.Н. Афанасьева позволило сделать вывод о том, что современный вариант всё же сохраняет основные сюжетные мотивы и былинную поэтику. Однако финал современного текста специфичен, поскольку образ Егория сближается здесь с образом Христа.

Т.В. Хлыбова (Москва) посвятила свое выступление эстетике духовного стиха, поставив целью проследить, как меняется представление о прекрасном в духовной поэзии. Вслед за С.Е. Никитиной она отметила, что прекрасное в духовном стихе понимается как «этически совершенное». По мере развития эпических сюжетов от былинных к балладным главный способ выражения прекрасного остается неизменным — это свет. Однако само значение понятия «свет» меняется от выражения внешней значимости, красоты героя к передаче его внутренней, духовной красоты. В самохарактеристике лирического героя более поздних лирических стихов теряется ощущение света и чистоты, уверенности в будущем; перестает быть ценностью и физическая сила. Напротив, сила и могущество становятся носителями зла, а блеск золота и камней вообще исчезает из арсенала эстетических средств. Непреходящими ценностями остаются лишь молитва и слезы.

Сообщение *К.Е. Кореповой* (Нижегород) «Традиционность современной устной религиозной прозы» было основано на материалах фольклорных экспедиций Нижегородского университета 1990-х гг. и англо-российской экспедиции «Серафим Саровский — живое предание». Записи, сделанные в ходе этих экспедиций, представляют русскую народную

устную христианскую легенду XIX — XX вв. (первые легенды о Серафиме Саровском начали складываться еще при жизни святого). Это период, когда в фольклоре как коллективном и традиционном искусстве наблюдается некоторый кризис: усиливается личное начало, ориентация на индивидуальные формы творчества, — что проявляется как в сюжетосложении, так и в художественной форме текста. Однако в религиозной прозе устойчиво сохраняется ориентация на традицию. Исследовательница доказывает это, сопоставляя устное и литературное житие преподобного Серафима и святых мучениц Пузовских, убитых в 1919 г. и канонизированных недавно.

К.В. Майорова (Москва), опираясь на материалы диалектологических экспедиций 1953 — 2002 гг., рассказала о свадебном обряде Алтайских старообрядцев. На фоне общей характеристики их мировоззрения и традиций, она представила версии обрядов поповцев и беспоповцев. Общий поэтический фонд (свадебные песни и приговоры) вписан в разные сценарии свадьбы. Особое внимание докладчица уделила своду как кульминации свадебного обряда беспоповцев. В наше время наряду с традиционными версиями обряда у старообрядцев существует и современная свадьба.

П.А. Бородин (Москва) в сообщении «Особенности бытования анекдота в молодежной среде» поделился результатами опроса, который он проводил среди студентов. Респонденты отвечали на вопросы, касающиеся содержания понятия «анекдот», популярности самого жанра и отдельных тематических групп внутри жанра, путей распространения текстов. Особое внимание было уделено роли специализированных интернет-сайтов и их возможного влияния на бытование анекдота среди живых носителей.

Проблемы взаимодействия архаики и новаций были затронуты в докладах, посвященных современным формам культуры.

А.В. Костина (Москва) представила доклад на тему «Интертекстуальность как фундаментальный признак культуры постмодернизма: к вопросу о соотношении массовой и традиционной культур». Она сосредоточилась на решении двух проблем: (1) какой исторической традицией — архаической или постмодернистской — обусловлена вариативность массовой культуры; (2) существует ли связь между вариативностью традиционной культуры и сериальностью культуры современной. В ходе анализа докладчица пришла к выводу, что архаическая и массовая культуры функционируют сходным образом. Онтологической характеристикой традиционной культуры является ее принципиальная рецитативность, предполагающая постоянную самоактуализацию и самовоспроизведение, где каждая воспроизводящая реплика вбирает в себя родовые качества всего словаря культуры. Любой фрагмент этого мегатекста репрезентативен как несущий генетическую, сущностную информацию о системе в целом. В отличие от рецитативности традиционного искусства, репродуцированность массовой культуры является специфической вариантностью, предопреде-

ленной, с одной стороны, типом функционирования, приближенного к изустному, фольклорному, а, с другой стороны, связанной с ризоматичностью как принципом культуры постмодерна в целом. Здесь фрагменты мегатекста выступают не как концентрированное выражение информации о целостной системе, но являются носителем полной информации лишь будучи представлены в своей совокупности. И эту совокупность образуют самоотсылки, подразумеваемые смыслы, аллюзии и цитаты. Взаимозаменяемые тексты масскульта являются выражением не вариантности, а серийности. Следовательно, тексты традиционной культуры суть подлинники, а тексты массовой культуры — копии (симулякры), оригинал которых никогда не существовал.

Сообщение *И.С. Конрад (Москва)* было посвящено проблеме синтеза архаических и современных представлений на страницах произведения, считающегося классикой русского постмодернизма — повести Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки». Анализ текста произведения выполнен с точки зрения отражения в нем одной из универсалий мифологического сознания — образа города-женщины.

Предметом анализа в докладе *Е.В. Улыбиной (Москва)* «Традиции русской волшебной сказки в жанре женского романа» стала волшебная сказка, которая была рассмотрена как текст, имеющий не только социально-исторические, но и психологические корни. В такой трактовке сказка предстает как текст, отражающий вполне определенную семейную структуру. В сказке о мачехе и падчерице семейная ситуация героини включает в себя смерть матери, наличие злой мачехи, слабого, зависимого отца и, во многих случаях, родной дочери мачехи. Героиня находится в конфликтных отношениях с мачехой — женщиной, занимающей место рядом с отцом, и не получает достаточной поддержки от отца или получает от отца слишком много любви. Такая структура отношений, по мнению автора, во многом соответствует видению мира девочки на эдиповой ситуации развития, в период начала формирования половой идентичности. Варианты сказок о мачехе и падчерице *Е.В. Улыбина* рассмотрела как отражение обряда инициации, а затем сопоставила их с современным серийным женским романом, сравнив психологические характеристики этих текстов и особенности их функционирования в культуре.

Материалом для сообщения *Е.Г. Кратасюк (Москва)* «Фольклор в массовой культуре: использование артуровского цикла в кино и рекламе» послужили коммерческие произведения, в основу которых положены фольклорные сюжеты и образы. Автор поставил задачу проследить взаимоотношения фольклора и массовой культуры на примере популярных фильмов и рекламных роликов, снятых по мотивам легенд о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола. Фольклор, как считает *Е.Г. Кратасюк*, воспринимается массовой культурой как «улучшенная история», а его герои как исторические персонажи. Успех же подобных произведений объясняется тем, что они используют актуализированные, модернизированные формы пересказа архаических сюжетов, а не маскируются под фольклор.

В выступлении «Книги о Гарри Поттере: фольклорные реминисценции» *И.Н. Райкова (Москва)* проанализировала причины возникновения так называемого «феномена Гарри Поттера», связанного с шумным успехом у читательской аудитории «книжного сериала» Дж. К. Роулинг. Секрет его, по мнению докладчицы, во многом объясняется заключенными в тексте реминисценциями из волшебной сказки и мифологии, заговорно-заклинательной поэзии и народных поверий о целебной силе трав, детского фольклора. Однако книги о Гарри Поттере демонстрируют упрощение, «снижение», отчасти разрушение фольклорной традиции.

В.А. Колотаев (Москва) поставил вопрос о содержании понятия «постфольклор», указал на специфику его структуры и функций. В XX в. возникли причины для пересмотра границ и областей творчества, которые были закреплены в научном сознании культурной маркировкой высокого / низкого, официального / неофициального, массового / элитарного. Произошли качественные сдвиги и в самой социокультурной реальности. Информационные технологии современного «общества спектакля» (Ги Дебор) стимулируют массовое потребление разнообразной печатной и визуальной, телекоммуникационной продукции. Именно эти образования информационного общества, с которыми постоянно сталкивается современный человек, по мнению докладчика, должны оцениваться как постфольклор, который появился не после фольклора как его отрицание, а в историческом ряду как культурная мутация, параллельно развивающаяся промежуточная форма, вбирающая в себя признаки и массовой культуры, и фольклора, и искусства, но по сути не равная ни одному из обозначенных явлений. К числу основных функций постфольклора докладчик отнес (1) структурирование впечатлений обыденной жизни; (2) формирование личностной и социальной идентичности; (3) языковую (но некоммуникативную) функцию, позволяющую находить речевые средства для оформления спонтанных впечатлений «народной души»; (4) адаптивную функцию примирения с действительностью через ее поэтизацию; (5) функцию структурирования времени и способов поведения.

Ряд докладов был посвящен истории изучения традиционной народной культуры. Здесь были представлены персоналии, школы; рассматривались вопросы преемственности в научных подходах и методах анализа.

М.Ю. Новицкая (Москва) выступила с сообщением «Образ Китежа в творчестве С.Н. Дурылина». Ей удалось представить три направления деятельности этого разностороннего ученого, незаурядного писателя, фольклориста. Как религиозный философ С.Н. Дурылин на основе анализа повести из «Китежского летописца» поставил и рассмотрел проблему Церкви видимой и невидимой. Он же оставил яркое и точное описание паломничества к Святому озеру в 1912 г. и создал оригинальное художественное произведение, продолжающее традицию русской классической прозы, своими корнями

восходящей к стилистике рукописной повести и народного устно-поэтического творчества.

А.В. Кулагина (Москва) рассказала о фольклорных материалах из архива П.А. Флоренского. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность знаменитого ученого-энциклопедиста продолжалась более четырех лет: в 1904 — 1909 гг. он вел записи в с. Толпыгине Новинской вол. Нерехтского у. Костромской губ. Ссылаясь на высказывания П.А. Флоренского (выдвинутое им требование «монографического изучения быта»), предполагающее «прочсть жизненное явление в контексте жизни, понять его смысл и значение для жизни не из общих положений науки <...> и не в свете субъективных толкований, а из самой жизни») и его записи, докладчица приходит к выводу о том, что он был первым, кто попытался осуществить комплексный подход к собиранию и изучению фольклора.

Н.Д. Булатова (Москва) в рамках доклада «Этнолингвистика как наука и учебный предмет» обратилась к проблеме «язык и народный менталитет». Она представила исторический очерк, в котором обозначила пути формирования этнолингвистической проблематики и возникновения этнолингвистики как науки. В трудах Н.И. Толстого этнолингвистика получает двойную интерпретацию: (1) как раздел (шире — направление) языкознания, ориентирующий исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета; (2) как комплексная дисциплина, предметом которой является план содержания народной культуры, психологии и мифологии независимо от средств и способов их формального воплощения. Оба эти понимания предполагают использование лингвистических методов. В заключение докладчица рассказала об учебной программе, которая была разработана ею по данной дисциплине.

Н.В. Гаевская (Москва) обозначила тему своего выступления как «Музей как способ сохранения ценностей традиционной культуры». История музейного дела в России — от петровской поры до наших дней — обусловила специфическое отношение к музею как таковому. Это не просто сокровищница, хранилище культурных фактов, а просветительский центр. Неслучайно совершенно особые задачи ставились и ставятся перед музеем традиционных художественных промыслов и ремесел. Музей такого рода призван создать образ традиционной культуры. Однако искусствоведы, формируя музейные коллекции, привыкли заниматься собиранием художественных объектов, а не явлений традиционной культуры. Отрыв от контекста бытования не может не сказываться на восприятии произведений художественных промыслов. Как особую проблему докладчица обозначила вмешательство исследователя в творческий процесс художника.

Т.А. Золотова (Йошкар-Ола) определила основные направления в изучении традиционной культуры Марийского края. Это подготовка многотомного серийного издания «Марийский фольклор», в котором планируется публикация материалов, собранных как на территории Республики Марий Эл, так и за ее пределами; создание сводных моделей календарных и семейно-бытовых обрядов по принципу «нанизывания» материала различных селенческих групп с

включением фольклорных текстов; выявление механизма межэтнических связей и взаимодействий; популяризация самобытных песенных и обрядовых традиций народов республики; использование новых информационных технологий в учебном процессе и научных исследованиях по фольклору.

В рамках конференции состоялся семинар по проблемам архивного хранения фольклорных фондов, в работе которого приняли участие сотрудники Государственного республиканского центра русского фольклора, Сыктывкарского, Марийского, Нижегородского государственных университетов, Петрозаводской государственной консерватории, Карельского и Коми научных центров, Астраханского центра фольклора. Проблематика семинара охватывала круг вопросов, связанных со спецификой сбора, систематизации и хранения фольклорных материалов в научных центрах, исследовательских институтах, вузах, домах народного творчества, рукописных отделах библиотек и государственных архивов, частных коллекциях ученых-профессионалов и любителей народной словесности.

Собравшиеся заслушали доклад *Е.М. Шишкиной (Астрахань)* «Фрайбургский архив народной песни», в котором был представлен опыт работы немецких архивистов. Особенность данного архива заключается в четкой систематизации и полноте охвата собираемого материала. *Т.Н. Ковалева (Москва)* познакомила участников семинара с модернизированной версией автоматизированной информационно-поисковой системы «Музыкально-поэтический фольклор» (АИПС), разработанной специалистами ГРЦРФ и предназначенной для хранения описаний объектов изучения в сфере музыкально-поэтического фольклора в виде базы данных, а также для занесения в базу данных, редактирования и поиска этих объектов по одному или нескольким параметрам. АИПС дает возможность анализировать информацию как в режиме просмотра, так и в режиме формирования различных выходных документов.

На семинаре в ходе свободной дискуссии обсуждались общие для всех проблемы, касающиеся отсутствия юридического статуса фольклорных архивов и связанных с этим трудностей с финансированием, кадровым и методическим обеспечением, в результате чего многие ценные собрания произведений традиционной культуры остаются недоступными не только для широкого круга заинтересованных лиц, но и для исследователей и студентов. В связи с создавшимся положением участники семинара одобрили предложение Государственного республиканского центра русского фольклора о создании Ассоциации фольклорных архивов России, задачи которой заключаются в объединении усилий ее членов в совместной финансовой, материально-технической, организационной и творческой деятельности, а также в создании единого информационного пространства, учебных и просветительских программ на электронных носителях.

Материал подготовили
**Л.В. ФАДЕЕВА, В.А. КОЛОТАЕВ,
И.Е. ПОСОХА**
(Москва).